

Свадебный
Церемония

КОММУНИКАЦИЯ
ВЗАИМ
МІБІАТІ 2

Павел Смолин

Кондитер Ивана Грозного 2

«Автор»

2026

Смолин П.

Кондитер Ивана Грозного 2 / П. Смолин — «Автор», 2026

"Булочный король" подмосковного города N, пожилой миллиардер Петр Степанович Рябов пал жертвой современных технологий и очнулся в 1553 году. Вокруг - Средневековая Русь, на престоле - Иван Грозный, буквально на днях была взята Казань, где-то вдалеке маячит Смута, а наш герой, ныне - юный поваренок-грек Гелий, должен выжить и преуспеть в этих непростых условиях. Что ж, толковый человек везде найдет возможности, а средневековые русичи поди эклеры не хуже своих потомков трескать любят!

© Смолин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Павел Смолин

Кондитер Ивана Грозного 2

Глава 1

За большим, оснащенным двумя слоями стеклом окном бушевала метель, превратившая разгар дня в бело-серый сумрак и скрывшая собою весь мир за стенами моей усадьбы. Говорить об этом имею право уверенно – дорогушие, с самой Франции, стекла почти не искажают окружающий мир. Баланс между жабой и желанием иметь нормальные окна смещен в сторону первой, но в горнице-гостиной и своем рабочем кабинете окошечки сделал как надо, гостей очень впечатляет.

Впечатляет гостей и многое другое. Первое и ключевое – топиться по-черному я не желал принципиально, и очень удачно, что за остаток сентября и целый октябрь нам с Ярославом и его подручными удалось создать работающий прототип нормальной печки, а следом, на кураже и опыте прокладки хитрых дымоходов, еще две ее разновидности: «голландку» и «голландку с плитой». Первая годится для отопления помещений без необходимости готовить пищу, а вторая имеет все шансы стать самой популярной печкой на Руси: в отличие от полнопрофильной «русской», ее сооружение выйдет гораздо дешевле.

Пользу печи полноразмерной в полной мере осознать смогли только мы с кухонной братией, а народу к запеканию и томлению не склонному больше понравились «печи малые». На них-то, с упором на «голландки» обыкновенные, к кулинарии малопригодные, основные силы монастырских каменщиков сейчас и брошены. Туда же стекаются весь свободный кирпич да раствор со всей округи. Хорошо, что я предусмотрительно набил склады своего поместья строительными материалами под самую завязку, до самого лета их на развитие хватит. А там и свой кирпичный заводик заработает, став прекрасным дополнением к уже имеющейся лесопилке.

У важнейших батюшек во главе с игуменом и келарем новые печки уже есть, но первым делом, понятное дело, таким чудом с большой радостью и молитвами оснастили монастырский храм и – не без моего участия – посадскую церковь. Шефство над Силуановым приходом взял, в моем поместье покуда людей мало живет, собственная церквушка нам без надобности, поэтому ходим в посадскую. Ну а чертежи всех трех печей со всем уважением уехали в Москву Даниле вместе с ошалевшим от такой удачи опытным мастером-печником. Ежели будет на то воля Государева, сами палаты его печкою оснастит – это ли не счастье великое?

Удивляются гости чистоте, свежести воздуха, теплу и непривычной организации пространства. Могу себе позволить широкие коридоры с дверными проемами и радикально отличающаяся от актуальной времени планировку – во главу угла поставлено ощущение простора, поэтому получилось что-то вроде разделенной арками студии. Это позволяет теплему воздуху свободно циркулировать, а чисто побеленные стены и потолок визуально добавляют объема.

Освещение влетает мне в копейчку, но на сводчатых потолках висят железные люстры со свечами. Толку с них не так уж и много, без лампадок да лучинок в темное время суток один черт читать можно только через боль в глазах, но по статусу положено. Пол покрыт шлифованными широкими дубовыми досками. Натерты воском, а сверху – половики в коридорах и ковры в обитаемых помещениях. Утеплять пол смысла нет – третий этаж мой «терем» занимает, а на втором тоже живут люди, и тоже работают «голландки».

Классическая компоновка усадьбы в эти времена: первый этаж выстроен из камня, в нем окон почти нет, а те, что имеются, узенькие, и их похожесть на бойницы не кажущаяся: бойницы и есть, потому что первый этаж в эти времена немножко затачивается под оборону. Не отапливается первый этаж никак: это же склад добра по сути. Немного продолжается усадьба

и под землю – там у нас ледник здоровенный выкопан и оборудован, а еще обыкновенный погреб.

Второй этаж представляет собой чисто утилитарный деревянный сруб, но окошки и в нем ниче такие, слюдой закрыты. Там у нас кухня с полноразмерной печкой, жилые покои для особо ценных мастеров и начальства моей невеликой дружины и пара кладовок с укрепленными дверьми для хранения средней ценности (в том числе и арматура воинская, типа арсенал) добра. Добро совсем ценное хранится на моем, третьем этаже.

Планировка второго этажа «барачная», первого так и вовсе отработанная веками – я в замысел архитектора влез только на этапе моего личного жилья. Сердце его – мой рабочий кабинет, местные такое помещение называют «мыслильней». Стол у меня высокотехнологичный, с выдвигаемыми ящиками, специальными углублениями под чернильницы и самодельным органайзером для всего остального. Не на стуле перед ним сижу, но в настоящем кресле с высокой спинкой и мягким, обтянутым кожей и набитым шерстью, сиденьем.

Поработал и над системами хранения – стеллажики с полками для бумаг, хитрой внутренней конструкции (разделен на сектора) дубовый запирающийся сундук для важных документов и личного архива. Проблему со светом люстре и большим окнам помогает решать усовершенствованная лампадка: отражатель из полированной жести помогает концентрировать и направлять на мой стол скудный световой пучок. Мечтаю о нормальной керосинке.

Ко столу моему канонично прислонен торцом еще один, уже без ящичков, самый обыкновенный длинный стол. Для планерок, разборов полетов и совещаний другого формата потребен. Второй для них важный атрибут – большая, покрытая воском доска на стенке, пригодная для записывания на нее идей и «повестки» совещания. Нормальный оплот бюрократии получился, а работники, коим здесь довелось позаседать, дали мне пищу о размышлениях на тему «ко всему человек привыкает», ибо очень быстро принялись оперировать подсказанным мной «новоязом»: «проект», «дорожная карта», «смета», «сроки реализации» и так далее. Нравится это русичам, прямо ощущают свое превосходство над коллегами «старого образца».

Опочивальня моя тоже не обошлась без «приветов из будущего», и начинались они прямо с кровати. Не полати, а нормальная, на основе высокого и широкого деревянного каркаса. Вместо надоевшего тюфяка – набитый овечьей шерстью матрас. Тоже то еще удовольствие на самом деле, но лучше, чем было! Постельное белье привычного формата пошито из мягкого льна. Полог над такой кроватью – не каприз и не понт, а необходимость: тонкая, светлая тряпица надежно оберегает (будет оберегать, сейчас-то комаров с мошкарюю уже нет) меня от кровососущих насекомых. Кроме клопов – эти не летают, а ползают, сволочи такие, никакого спасения нет.

На стеночке рядом со входом висит умывальник вполне привычного моим современникам образца. Кокетливая, резная полочка для мыла в наличии. Мечтаю о водопроводе, а пока радуюсь и этому.

И моя гордость – гардеробный шкаф! В глазах окружающих – поставленный «на попа» здоровенный раскрашенный березками сундук. Двойная дверца ведет в большой отсек с перекладиной для развешивания вещей, третья открывает доступ к полочкам.

А теперь вернемся в горенку. Главное отличие, если не смотреть на окна, заключается в мебели. Стол – он и в Африке стол, дубовый, скатеркой белой прикрыт, но стулья и лавки здесь выгодно отличаются теми же мягкими сидалищами и спинками. Полки на стенах выглядят пустовато, но рано или поздно на них появятся книги и всяческие диковины прикладного и эстетического свойства. Особенно горжусь я вон той лавкой у стены напротив окна: целиком кожей обтянута, валики мягкие имеются, всамделишный протодиван!

Гостям терем мой сплошное удивление и демонстрация богатств несметных (хотя бюджет, если в расчет окна и затраты на не-типовой проект не брать, очень даже скромный выло-

жить пришлось), а мне – удобное и уютное жилище. Первое за долгие месяцы, которое я могу назвать домом без всяких кавычек и допущений.

- Ченьслером главного их кличут, - припевая теплый отвар на травках и шиповнике (нету чая, но не то чтобы я его фанатом был, мне травки родные больше нравятся), рассказывал мне вернувшийся вчера вечером из Москвы «торговый представитель».

К отвару на столе имеются медовые прянички, а гостя зовут Афанасием Васильевичем. Третий сын купеческой на поколения вглубь веков семьи, лет ему двадцать шесть, темно-русые кучерявые борода с волосами всегда аккуратно пострижены и уложены, карие глаза смотрят на мир с живым любопытством и отражают немалый ум, и я должен отдать дядюшке Даниле должное: лучшего кандидата на роль главного моего связного с мировым рынком и желать нельзя.

Левый глаз Афанасия нынче являет собой печальное зрелище – ячмень вылез, в эти времена им болеют много и часто. Народных средств лечения от этого накоплен огромный пласт, да ни одно из них не помогает. Основной причиной заболевания вполне логично считается «дурной глаз» - сглазили, вот на глазу шишка зудящая и вылезла.

- Кораблем большим на Русь он с людьми своими попал, в обход Балтики. Сказывают – в Индию путь искали, а попали к нам.

- Тож хорошо, - хохотнул я.

- Специй у нас нет, да медок-то послаще их будет, - согласился со мной Афанасий. – Сказывают – живут на острове они большом, на самом краю земли. Без кораблей и торговли жизни своей не мыслят, ибо остров ихний природою скуден, а климатом суров.

Знаем мы эту «суровость» - когда в нашей Сибири минус тридцать, там в худшем случае минус один. Но в целом – да, тоже климат тот еще, влажность большая, а ресурсов мало.

- Где кораблей да скудности много, там грабежом и пиратством за версту разит, - заметил я.

- Может оно и так, - осторожно согласился Афанасий. – Но нас поди пограбь. Татарва-то привычная, да и по земле ходит, а с корабля как?

- Эти Руси не угроза, - кивнул я.

Пока.

- Сказывают, Государь с ближниками радовались – Ченьслер энтот сам того не желая цельный путь торговый на Русь в обход Балтики нашел.

- Чем больше торговых путей, тем больше торговлишка множится, - согласился я с тем, что случившееся – большая удача.

Англия – это не только источник головной боли для всей Европы, но и один из важнейших торговых партнеров России на долгие века.

- Чуднóе рассказывают Ченьслеровы люди: правит, мол, ими, король Филипп, но главная над ним – баба, королева то бишь, Мария. Называется – «король-консорт».

- Интересно, - улыбнулся я исчерпывающему описанию британской политической системы, опустил руку под стол и сцапал неосторожно подошедшего ко мне кота Калача, дымчатое, полудикое, трехмесячного возраста настолько пушисто-растрепанное существо, что поселить его где-то кроме терема у меня рука не поднялась.

Пока я игнорировал возмущенный «мяв» и терпел укусы и царапины, усаживая котенка на колени, Афанасий продолжал рассказ:

- Давно уж в Москве Ченьслер сидит, готовится бумаги важные королю своему везти. О Руси расскажет ему, о Государе и Вере наших, о товарах... - среди перечисления Афанасий вдруг резко показал своему ячменю кукиш. – Ячмень-ячмень, на тебе кукиш, чо хошь то и купишь!

Я не обиделся и не удивился – такое вот народное средство лечения, нужно неожиданно постараться посильнее обидеть болячку.

- Спаси и сохрани, Господи, - перекрестил я своего «торгпреда».
- Благодарю, Гелий Далматович, - поклонился купец.

Ценят мое крестное знамение окружающие, репутация-то ого-го, натуральный сакральный ореол благодаря череде летних событий и общему уровню христианской любви к ближним и смирения приобрел.

- Скрежешут зубами завистники подлые, - продолжил Афанасий. – Псы глазливые. Ячень-то как пришел, так и уйдет, а души их несчастные от боли плачут. Помилуй их, Господи, - перекрестился на «Красный угол».

- Помилуй, Господи, - перекрестился и я.

Ни на кого мы тут не обижаемся, за все души заблудшие молимся, и не из тщеславия, а от любви большой. По крайней мере, стараемся делать вид.

- Чего там с Ченьслером-то?

Подумав, купец улыбнулся:

- Представь, Гелий Далматович – плыли в Индию, а попали в море Студёное, - хохотнул. – Льды, вода серая бездонная, а вдоль берега – избушки поморские да поморы сами стоят, и большому да красивому кораблю и не удивляются – привыкли, нет-нет да заплывет кто от холода полумертвый. Люди они добрые, там, на Севере ледяном, жизнь людская не в пример здешним местам ценится, прости-Господи, - перекрестились. – Обогрели Ченьслера, как смогли истолковали – мол, на Русь попали вы, а не в Индию, да клич до Москвы кинули, за что от Государя им теперь милость большая будет.

- С целой страной помочь знакомство свести дорогого стоит, - покивал я.

Хрупнув медовым пряничком, Афанасий запил отваром и отдал глиняную чашку маленькому Гришке. Тому самому, которого однажды порекомендовал мне в помощники вместо себя Федька. Тринадцать лет ему, на самом деле не такой уж и маленький, на голову меня ниже всего, рожа уморительно-рыжая да лопухая, а смысленный настолько, что даже уши драть ни разу не пришлось. Сам подошел и без обиняков, но с земным поклоном попросился на работу, когда по монастырю разнеслась весть о том, что я переезжаю. Отчего бы и не взять такого инициативного? Тож у Федьки в подчинении теперь, тот-то опытный работничек.

По проложенному рыжим пацаном пути тут же бросились другие – все трудники как один захотели переехать из монастыря в «дикое поле», а особенно тяжело было смотреть на три десятка монастырских деток, которые очень хотели «как Федька и Гришка». А куда мне их? Сам-то еще не переселяюсь даже, поле-то и впрямь дикое, необжитое. Хотя бы пару барачков нужно до зимы возвести успеть – тогда я еще не знал, насколько споро выстроят всю потребную для зимовки инфраструктуру пригнанная Данилой из Москвы строительная бригада. Поставив два жилых барака, три большие бани, склады да коровники и требующую внутренней отделки основу моей усадьбы, прожившая пару месяцев в палатках пара сотен человек уехала домой уже в начале декабря. Усадьбу доделывали мы уже силами будущих постоянных жителей поместья.

- Из бездельного – всё, - получив новую порцию напитка, подвел итог теме Афанасий. - А ежели о деле, то сговорился я с человеком при Дворе, чтобы шепнул мне как будет чего – сказывают, ежели король островной с Государем нашим сговорятся, будет на Москве подворье торговое английское. Нескоро то, но знать о том полезно.

- Полезно, - согласился я. – Когда начнется большая торговля, нужно подсуетиться.

Будет чего англичанам предложить к тому времени – сейчас годик Ченьслер до дома добираться будет, потом еще за годик случится обмен посольствами, а до нормального, стабильного и прогнозируемого товарооборота здесь лет пять, если не считать единичные торговые караваны почуявших наживу частных лиц.

- Подсуетимся, Гелий Далматович, - пообещал Афанасий и посмотрел в окошко.

Метель теряла свою силу – стихший ветер перестал разбрасывать пушистые хлопья снега, позволив посветлевшим тучам безобидно отдать земле последние запасы и вернув поместью возможность продолжить свою в высшей степени деятельную жизнь.

- Хорошо, что добро за ночь под крышу со стенами снести успели, - порадовался торгпред за прибывший с ним караван.

Бочки, ящики да мешки с припасами на полста живущих в поместье едоков. Сено, овес и прочее потребное для нашего немногочисленного скота – десяток коров и два десятка лошадок. Пятнадцать из них – транспорт моих дружинников. Сейчас достроим еще один большой хлев, и выпишем еще лошадей да прочего скота: сейчас он дешевле, чем в сельхозсезон, спрос-то в него сильно вырастает.

Привез Афанасий и цельную телегу великой ценности – радующие глаз и пальцы рулоны настоящего шелка притащили прямиком на мой этаж. Чудовищно, почти невыносимо дорого, но придется купить еще раза три по столько же. Окупится проект сторицей, поэтому пускай Данила открывает мощну пошире да не морщится.

- Хорошо у тебя здесь все-таки, - ощутив острый приступ уюта, он откинулся на стуле и потер живот. – В Москве домишко присмотрел себе, о двух этажах. Торг веду, печи добрые там выстрою, окна расширю... - мечтательно потянулся. – Ох и довольна хозяйюшка моя будет, всем барыням на зависть!

Женат Афанасий, что неудивительно в его возрасте. Деток двое, мальчик шестилетний да дочка двухлетка. Был и еще один ребенок, средний, храни душу его Господь. В Москве детки, с женой Афанасия Марфой в доме на родовом дворе купеческого семейства живут. Человек двадцать пять их там, и Марфа регулярно пилит суженому мозги на тему переезда подальше от старших дам, которым молодую пошпынять в большую радость.

- Рад за тебя, Афанасий, - честно признался я. – Оставайся, чего тебе в людской избе уютиться? Опочивальня гостевая свободна.

- Благодарю за милость к холопу твоему верному, Гелий Далматович, - застенчиво шаркнул ножкой купец, допил отвар и кивнул на окно. – Улеглось почти. Пойдем добро посмотреть?

- Пойдем, - допил я свою чашку и поднялся на ноги.

Всегда интересно на добро посмотреть.

Глава 2

Гришка помог мне надеть волчье-заячьи меха и валенки. Еще одна моя большая гордость. Технология получения мне известна по одному хорошему дню, когда мы с Людой, еще молодые и легкие на подъем, ходили на мастер-класс по изготовлению валенок. Я тогда сильно удивился простоте, а в этом мире радовался ей же. Ныне, в напоминающем по атмосфере баню помещении, изготовлением валенок занимается четыре человека живущих в поместье и десяток монастырских трудников, которых батюшку игумен отпустил за долю малую. Двери и окна распахнуты настежь, но это не шибко помогает – потребный для процесса кипятков оптимальнее всего варить прямо там, на «голландках с плитами».

Продуктивность небольшая, шесть-восемь пар в неделю за восемь рабочих часов в день и за минусом перерывов между ними (обед и десять-пятнадцать минут на охлаждение на свежем воздухе) да выходного-воскресенья мужики выдают. Ценообразование в отсутствие конкуренции и налогообложения (для мен и других бояр) предельно простое: пара стоит два рубля. Из них 50 денег идет на оплату мужикам, денег десять-пятнадцать – себестоимость, а остальное я со спокойной совестью, как капиталисту и положено, кладу в карман. Думаю о расширении – такой продукт нужен всем! – а то конкуренты подсуеются. Не люблю вне-рыночные методы конкуренции, но здесь и сейчас высоченная крыша из владетельного родственника точно мне на руку – трижды подумают уважаемые люди прежде чем технологию «подрезать», не патентное право, конечно, но суть примерно та же.

На улице вполне приемлемые минус два, снежок уже почти прекратился, и работники поместья при помощи лопат уже всю расчищали дороги и дорожки. Минуя орудующих инструментов мужиков, я не забывал отвечать им в ответ на поклоны приветливые кивки. Так-то подрывается от этого производительность, когда народ попривыкнет выпущу внутренний указ не отвлекаться на меня, если делом занят.

За мной, Афанасием и охранником-Тимофеем (его епископ по понятной мне причине – шпион нужен – забирать не стал, трудится теперь Тимофей десятником дружинным при бывшем командовать дружиною в целом сотником) следовал подобранный нами на первом, «складском» этаже усадьбы, ключник с положенным человеку его ранга слугой.

Еще один настолько толковый кадр, что кроме как благодарный поклон Даниле за него слать и нечего. Клима, сын Игнатъев, человек боярского происхождения. Род их зовется Телепнёвы, и он знал несоизмеримо лучшие годы. Ныне величие его в упадке: состояние предков промотано еще дедом Клима, имевшим неприятную склонность к азартным играм. Финальным аккордом на пути падения рода стала гибель действующего главы, Игната, под Казанью в прошлом году. Бесславно погиб, не успев новых земель выслужить, да еще и двух коней последних за кампанию «слить» умудрился.

Теперь знатность рода – единственный оставшийся у них актив при полном отсутствии бабла. Так бывает, и мотивация Клима предельно понятна: он видит во мне шанс подняться туда, откуда угораздило свалиться его горе-батюшку. То есть – вернуть роду былое величие и статус. Крохотное имение на север от Москвы у них есть, но прокормиться с него затруднительно даже без необходимости поддерживать «понт боярский».

Двадцать восемь лет Климу Игнатъевичу. Высок – почти на голову меня выше. Худ – «горячих» выписать неподготовленному человеку может спокойно, ибо обладает полным спектром навыков выходца из воинской аристократии, но такая вот у него конституция: как ни «качайся» и не жри, без богатого пласта опыта наращивания бесполезных мышц людьми будущего плотнее не станешь. Хорошо, что Климу оно и не надо – как и положено средневековому русичу, о размере бицухи ключник беспокоится в последнюю очередь.

Выправка и манеры под стать происхождению, а вот одёжка подкачала – ко мне приехал в латаных, перешитых шмотках с отцовского (а Игнат был шире и ниже) плеча. Ключник для поместья человек важнейший, поэтому я выдал ему нарядный кафтан из доброго сукна – это под низ – а сверху зимою Клим носит волчий тулупчик, волчьи меховые штаны и заячью шапку: так даже я одеваюсь, поэтому боярский сын не комплексует. Компенсируется дешёвый мех полноценным кожаным ремнем с искусно выполненной из меди бляхой. На ремне – сума, чехольчик для стила и угольного «карандаша», и мое ноу-хау: сшитые в блокнот и оснащенные тонкой деревянной обложкой берестяные листы.

Русая борода аккуратно расчесана и подстрижена, лицо и глаза демонстрируют всему миру пессимизм, но они же глаголют и об уцелевших несмотря на череду неудач амбициях. Умный настолько, что порой аж некомфортно – а ну как «подсидит»? На лету схватывает всё, в голове запросто трехзначные числа гоняет с разными знаками, но, к сожалению, амбиции у него есть, а вот с инициативой скудно. Наследие непростой жизни – все новое однозначно приведет к проблемам, поэтому я использую Клима еще и для тренировок переговоров с вредным потенциальным партнером.

А еще у него есть реальный управленческий опыт – четыре года служил в Поместном Приказе. Зарплата там не то чтобы хорошая, но некоторое количество подарков Климу приносили. Меня это не пугает – немножко коррупции есть всегда и везде, а вести дела честно ключник мне поклялся. Технически провороваться может, но зачем боярскому сыну так унижаться, если есть предельно реальная возможность честно подняться?

- Как добрался, Афанасий? – оказал Клим купцу милость вопросом, снял варежку и протянул руку за спину.

Его слуга, шестнадцатилетний смуглый (татарчонок, но наш, православный) Артемий с поклоном вложил в руку хозяина другой «деревянный блокнот». Нервно косясь на переданную им самим ключнику вчера вечером сметную книгу, купец ответил:

- С Божьей помощью мирно добрались, Клим Игнатьевич.

- Добрó, - вяло порадовался тот и открыл блокнот. – В дороге среди ночи что ль книгу сметную писал али перо у тебя кривыми лапами писано? – показал нам.

Почерк далек от каллиграфического, кляксы щедрой рукою разбросаны по листу, буквы частично оплыли и размазались, но «цифири» выведены крепко, солидно-округло и четко, всем видом демонстрируя честность Афанасия.

- Неряшливо, - поддержал я авторитет Клима. – Но сходится же?

- Сходится, и цены хороши, дело наш купец ведет крепко, - признал боярский сын.

Простоватый в силу средневекового бытия купец от простенького «кнута и пряника» приосанился и расплылся в довольной собою – не путать с «самодовольной»! – улыбке:

- Прости холопа твоего косорукого, Гелий Далматович, - изобразил виноватый поклон. – Впредь как пред иконою писать стану!

- До сего такое ж говорил, - скептически заметил Клим. – И до того, и на исходе осени дважды.

- Виноват, Клим Игнатьевич, - обратился Афанасий печальный лик в землю. – Грешен, дрожит рука проклятая, но не из небрежности, а от одного лишь истового рвения.

К этому моменту мы миновали обитель Клима – «приказную избу», простую избу-пятистенку с нормальной конечно же печкой, рабочий «барак», десяток «домиков» уборных, одну большую «обшую» баню и добрались до обнесенного забором из «горбыля» деревянного склада, сложенного из мощных бревен и оснащенного дубовой, укрепленной сталью, дверью. Двое дружинников всегда на страже в специальных, оснащенных смотровыми окошками (задувает, но что поделать) будках из стрех стен и навеса. Раз в четыре часа меняются, чтобы не болели.

Перед тем как войти в прорезанную в правой воротине калитку, мы при помощи Артемия и казенного здешнего веника смели снег с валенок. Калитка открылась, уронив на выложенный досками пол склада пятно света, который позволил нам увидеть пяток сильно фрагментированных крысиных трупиков.

- Ай молодцы какие! – похвалил я живущих на складе пушистых хищников.

Молочка принести потом велю – заслужили.

- Хорошая работа, - похвалил и Клим.

Лари для хранения сыпучих продуктов, стеллажи для бутылей, кувшинов, ящиков и сундучков, закрывающиеся от мышей короба для мешков – склад тоже строился не без моего пригляда.

Вот тут – телеги, вчера, при севшем солнышке, разгружать не стали. Имеются и грузчики: Григорий, Семен да Потапий. Последний в караване Афанасия на полную ставку трудится, а двое первых – местные.

- А этот где? – недовольно заметил «недостачу» потребного персонала Клим.

- Нехорошо первый рабочий день начинает, - согласился с ключником я. – Запомним, но шанс дадим – рекомендации хорошие.

На сотню помещицкую вкальвал «выписанный» из Москвы кузнец, арматуру ковал. Не один приехал, а с парочкой подмастерьев.

- Ох, грехи мои тяжкие! – с многообещающим пытением ворвался в склад дородный широкоплечий «дворф» с аккуратно расчесанной и постриженной, но испорченной подпалинами бородой.

Петру двадцать восемь лет, и восемнадцать из них он провел в кузне – сначала маленьким чернорабочим, потом подростком-подмастерьем, а далее и сам в кузнецы выбился. Тулупчик со штанами у него свои, но тоже на основе волчьего меха. На ногах – онучи, потому что валенки мы ему выдать еще не успели. А может и не надо – кузница все же, а войлок очень горяч. Ладно, это сам решит.

С виноватым земным поклоном кузнец принялся каяться за опоздание:

- Виноват, Гелий Далматович, но не со зла с гордынею опоздал, а по глупости своей – не сразу склада отыскал.

- Прощаю, - смилостивился я. – Подымайся да ступай железо смотри.

Кому еще прибывшие руду и чушки оценивать, как не профессионалу? Кузнечное ремесло в поместье доселе отсутствовало как таковое: возросшая в связи с «печным бумом» нагрузка отожала силы кузнецов монастырских (туда нового конечно прислали) и посадских. Приходится почти все закупать – гвозди, инструмент, скобы и прочее добро – но теперь всё, начнем на месте производить: горн с домною имеются, наковаленку и прочее оборудование Петр с собою привез, сейчас пару деньков обжиться-обустроиться, и можно начинать работать на благо поместья.

- Спасибо, Гелий Далматович, - поблагодарив, кузнец направился к телеге, на ходу снимая заячи варежки и засовывая их за не лишенный лоска льняной, с вышивкой, пояс.

Карманы я «изобрел», но лепить их на внешнюю сторону одежды пока не рискнул – а ну как убоится народ такой великой перемены? Нашил внутри – два в районе груди на тулупе, но попользоваться ими покуда не удалось: нечего класть. Мы тоже подошли поближе – заодно профессионализм кузнеца оценим.

- Руда медная, с рудника Полевского, что на Урале, - указал Афанасий на заставленную огромными корзинами с бурой, с зеленоватыми прожилками рудой, телегу.

Морально приготовившись «отработать» опоздание крепкой демонстрацией компетентности, Петр засучил рукава и взял кусок руды:

- Работал с такою, - взвесил кусок на ладони, достал из-за пояса маленький молоточек и сильно ударил, развалив кусок на кусочки поменьше. – Руда знатная, - вынес вердикт и понюхал руду. – И серы не шибко много. В горне добро потерпит.

- Худой не возим, - буркнул купец.

Петр тем временем шагнул к другой телеге с рудой – здесь не медь, а «ассорти» - и взялся за темно-серый, металлически блестящий, кусок:

- Слюдка железная, - провел по кромке пальцем и щелкнул по ней ногтем. – Крепка. На лучшие клинки пойдет, только дробить ее, дробить старательней надо – крупно не возьмешь, в домнице сплошняком спекется.

Положив руду на место, Петр взял другую, красно-бурую, рыхлую даже мой глаз «чайника».

- Болотная руда. Наша, местная? – посмотрел на Афанасия.

- Наша, - подтвердил тот.

- Много породы в ней пустой, угля на мытье да обжиг лишнего уйдет, но на грубое железо, скобы да гвозди сгодится.

- Дешево и сердито, - ввернул я лингвистический «привет» из будущего.

На лице мужиков мелькнуло многократно мною виденное выражение обдумывания, одобрения и интеграции в свой лексикон.

- Дешево-то оно дешево, да напрасно переводить грешно, - заметил Афанасий.

- Спасибо за наказ твой, Афанасий, - продемонстрировал смирение кузнец и продолжил свой путь вдоль телег, миновав груженую болотной рудой третью и остановившись у четвертой, груженной местными «чушками»-крицами темно-серого цвета.

- Цвет светлый, зерно мелкое, - Петр достал из-за пояса напильник и провел им по крице, оставив яркую царапину. – Мягкое железо, ковкое, на косы, топоры да прочую утварь домашнюю. В горне не горит, а паяется подобно меди.

И телега номер пять, с чушками потемнее, с синеватым отливом и вкраплениями чего-то стекловидного. Полагаю – шлаки, потом Клима спрошу, чтобы не терять лица перед работниками.

Постучав молоточком, Петр заявил:

- А это крица жесткая, пережженная чуток – угля в ней много осталось. Задешево отдали? – снова спросил Афанасия.

- Хорошо сторговался, - скромно похвалился тот.

- Хорошо, - подтвердил для меня ключник.

- Добро, - одобрил сделку и кузнец. – Ломать да перековывать ее в узор придется, чтоб шлак (точно шлак!) вышел. Но мне и грязнее руду мыть приходилось, ежели обжечь да водуть правильно, сталь крепкая получится – на резцы, на наконечники боевые...

Видна легкая профессиональная деформация в военную сторону, но это хорошо – там уровень работы все-таки посложнеековки тех же топоров да лопат.

Закончив, Петр обвел телеги взором и перешел к финальной части «собеседования»:

- Всякому металлу свой нор и своя работа. Медь – для красоты да литья. Мягкое железо – для силы крестьянской. Стальная крица – доблести воинской. Руда – душа металла, а труд кузнечный – душу эту вынуть да в дело употребить.

- Добро говоришь, - похвалил Клима. – Ежели не будешь как сегодня плошать, цена словам твоим повыше станет, а покуда... - развел руками.

- Не оплошаю, Клима Игнатьевич, - отвесил земной поклон кузнец. – У тебя, Гелий Далматович, - отвесил и мне. – Работать, сказывают, счастье великое. Милостью Данилы Романовича сироту твоего отметили да путь указали. Не оплошаю – вот вам крест! – широко перекрестился.

- Добрó, - кивнул я. – Ну ступай, обживай кузню, Петр. Счастье Господь один дарует, не я, но ежели плошать не будешь, а знания свои на благо наше общее применять со старанием великим станешь, обретешь уважение моё и деньги большие. До весны – два рубля на месяц тебе кладу. Восемь часов на меня трудишься, далее скок хошь можешь на сторону ковать, токмо за уголь и руду Климу Игнатьевичу плати. По весне, ежели доволен тобой буду, потолкуем об оплате твоей снова.

- Велика щедрость твоя, Гелий Далматович, - поклонился Петр. – От всего сердца благодарю тебя за доброту к холопу твоему, - выпрямившись, он обозначил шаг к выходу, получил мой кивок и рысцой убежал со склада.

Гуляют, значит, по Москве, слухи добрые. Уж не умышленно ли Данила их распускает, чтобы кадров побольше ко мне толковых попасть пыталось? Может поменьше начать платить? Типа «за резюме» и идею моего личного благосостояния работаешь, потом в любую кузницу с руками оторвут, на самого Палеолога трудился! Не, средневековые русичи к корпоративной солидарности холодны, но обладают по-настоящему редким в мои прежние времена качеством – благодарностью к тем, кто вручил им путевку в качественно новую жизнь.

Шелк я принял еще вчера, а сейчас мы досмотрели и сверили с записями остальное: два бочонка смолы и боченок дёгтя, несколько «штук» льна, пенька для самостоятельной переработки в веревки, кожа сыромятная – на технические нужды – и юфть, кожа выделанная, на обувку: сапожник у нас есть. Далее – всегда нужные сало да воск. Первое – дурного качества, не для еды, но для мыла и смазывания дверных петель да механизмов. Воск, понятное дело, на свечи, натирание дощечек для письма и полов в моем тереме.

С сырьем – всё, теперь готовые изделия: немного деревянной посуды, пара ящичков с глиняными горшками да кувшинами, ящичек с замками да ключами, ящик со скобами, ящик с гвоздями – это все всегда нужно, потому что стройки у нас не останавливаются.

Глава 3

Сергеем Петровичем зовут нашего двадцатичетырехлетнего мастера-архитектора. Он здесь уже старожил, по его чертежам да под его руководством базовая инфраструктура строилась, а теперь мы будем возводить водяное колесо. «Архитектор» он чисто по диплому, а так – нормальный средневековый инженер заоблачной квалификации: от моста до домны и сортира деревенского в пяти вариантах че хошь отгрохает. Изрядно подкован в смежных областях – литьё, другое кузнечное дело, да каменное ремесло. Помимо этого, обладает блестящими знаниями математики, умеет варить целебные отвары, шпарит на латыни, греческом и итальянском как на родных, а главное – имеет очень понятную и гарантирующую старания мотивацию, которую без обиняков выложил в день нашего знакомства:

- Ты, Гелий Далматович, не смотри, что не иноземец сирота твой. Меня итальянские мастера учили, да на совесть – до сих пор от розог шрамы не зажили. Показать?

Я, конечно, смотреть на эту часть портфолио отказался и не стал Сергея «разворачивать», потому что начало переезда выдалось сумбурным, а очереди из архитекторов за забором не оказалось. Не пожалел с тех пор ни разу – Сергей Петрович оказался не только профессионалом со всеми потребными компетенциями, но и приятным и интересным в общении человеком.

Нынче на дворе серенькое зимнее утро двадцать первого декабря, до Рождества рукою подать, легкий морозец – минус два – бодрит, а отсутствие ветра и тучек обещают неплохой денёк.

Речушка наша, в силу скорости течения и обилия питающих ее ручейков, на зиму не замерзает, поэтому сегодня мы с Сергеем идем в последний раз «прицеливаться» к месту будущего водяного колеса. Моделька на базе имеющегося на территории поместья чуть дальше ручья – он нас и водой обеспечивает – построена и успешно работает. Не простое колесо из этих времен, в лопасти которого упирается сама речушка, а усовершенствованное. Удивительно, насколько в любом изобретении важна его концепция. Если концепция есть, остальное лишь дело техники, и пофигу, если «технику» подтягивать до этапа воплощения концепта придется столетиями. Антиграв, например, Жюль Верн уже давным-давно «изобрел», и то, что его в материи пока не соорудили, лишь вопрос времени.

С колесом получилось так: привез, значит, Сергей с собой чертежик, я посмотрел, увидел плоские лопасти, а потом напряг память и уверился – те колеса, что на картинках и в кино видел я, вместо лопастей имеет такие ковшики. Обсудив это с Сергеем, мы пришли к выводу, что сами собой ковшики набираться не могут – физики не хватит так сказать – а значит нужно каким-то образом их наполнять. Здесь справится сама река, просто нужно построить колесо в месте с перепадом высот да пустить деревянный желоб-канал, вода с которого будет литься на колесо сверху, наполняя те самые «ковшики». КПД значительно выше колеса базового, и архитектору не терпится приступить к работе – модель-«образ» карликового формата работает, теперь нужно полноразмерный прототип соорудить.

Место будущего расположения водяного колеса выбрано уже давненько, и теперь силами мужиков потихоньку приводится в потребный вид: равняются берега, немного углубляется дно (большие паузы работникам на сушку и обогрев выдаются, лучше не болеть в эти времена, у нас кладбища-то даже нет пока), а еще от процесса получилась неожиданная польза – водоросли специально из реки не доставали, но «нечаянный» их объем мы попробовали скормить скоту. Трескали за милую душу, и теперь и мы, и монастырские, и посадские дербанят днища окрестных рек и речушек, чтобы сэкономить на нормальных кормах.

Некоторая опаска у меня есть – из природы чего-то бесконечно черпать нельзя, потому что она обидится и даст ответку. Не загнется ли от наших экспериментов экосистема речная в

наших краях? Не перемерет ли рыба? Не превратят ли днища речные русичи в бесплотные на столетия вперед пустыни? Как бы беды не вышло – рыбка-то в эти времена всяко важнее водорослей, как бы не перемерли от отсутствия привычной чешуйчатой прибавке к столу местные.

Ладно, по мере поступления проблемы решать будем.

- Здесь, стало быть, берег укрепим... - бурчал себе под нос Сергей, в очередной раз проецируя на внешний мир имеющееся в голове колесо. - ...Желоб здесь, а тут вот канавку вырыть...

Кузница и домна находятся неподалеку – я не знаю, как «подружить» движущую силу колеса с тем и другим, но знает Сергей. Я мечтаю достичь максимальной автоматизации производства – торговать новинками из будущего, конечно, интересно, но нельзя забывать о доведении до ума уже имеющегося здесь. Почему бы при помощи водяного колеса и автоматического молота не начать ковать условные латы? На этот товар всегда есть спрос, а наложенная на большой объем автоматизация позволит выставить цены гораздо ниже, чем у конкурентов.

Да и не только неодушевленными механизмами автоматизация достигается, помогают нам и уже имеющиеся способы организации труда. Конвейер тот же это не столько движущаяся лента, но и формат производства, когда каждый работник проделывает минимальное и от этого отточенное до совершенства количество функций. У нас такое выстроено везде, где только можно, и продуктивность труда на уже запущенных мануфактурах, я уверен, гораздо выше, чем на соразмерных предприятиях по всей Руси и даже Европе.

С Климом и Сергеем на эту тему общался. Они-то богато образованные, теоретически в любом деле разобраться их-за этого могут, а я от своих работников низшего уровня требую деградировать до биологического робота с минимумом функций. Не понимают этого мужики эрудированные, считают узкую специализацию едва ли не злом, и я отчасти с ними согласен: узкая специализация не может не оставить за собой профессиональную деформацию, порой заводящую своего носителя в такие дебри...

И ладно, если это обыкновенный рабочий, ему так и так всю жизнь условную гайку заворачивать, но когда такое происходит с условным академиком, доходит порой до абсурда: сильно поднаторев в своей области, он возносится над нашим бранным миром и искренне верит в то, что разобраться столь же успешно может и в других областях. И на поверхностном уровне и впрямь может, да только «вглубь» там уже другими узкими специалистами так накопано, что просто обречен условный академик велосипед изобретать банально в силу незнания базиса. То ли дело я – изобрету велосипед буквально и осмысленно, но потом.

А человек-то уважаемый, связи имеет, и начинает яростно штамповать «переворачивающие мировоззрение» псевдонаучные недоработы, которые, в силу умения пользоваться научным аппаратом, выглядят весьма благообразно и реально промывают мозги легковерным. Фоменко такой был, например, математик, который целую «новую хронологию» изобрел, пара знакомых этой чушью зачитывались, а я только пальцем у виска крутил от сомнительности тезисов уважаемого математика.

Короче – чувствуют классическое «специалист подобен флюсу» предки, даром что от Козьмы Пруtkова их отделяют три с половиной столетия. Удивительны средневековые русичи – государство в зачаточном состоянии, на дворе кондовый феодализм, а предрасположенность к беседам о судьбах Родины и человечества уже имеется.

После пятиминутного напоминания самому себе «как оно будет» Сергей еще пятнадцать потратил на воспитательные и прикладные разговоры с рабочими. Страхуется, чтобы в случае чего напомнить: «при тебе ж, Гелий Далматович, дуболомам разъяснял чего и как», и свалить вину на исполнителей. Трудно мужикам – холодно, землю каменистую ломаями долбить приходится, воду туда-сюда отводить-переводить, и в ней же по колено стоять время от времени – но они уверенно преодолевают по десятку минут в водице или часу на заледенелой суше напролет, а потом полчаса мужественно греются и сушатся в ближайшей баньке.

- Всё, ежели будет на то воля твоя, Гелий Далматович да погода аки сегодняшняя, еще до сочельника опоры установить успеем, - отчитался архитектор.

- Добрó, - явил я волю.

- Ежели ба на городок потешный силы не тратили, ужо бы вертелось колёсико, - не удержался от бурчания Сергей. – Прости уж холопа твоего за прямоту, - виновато поклонился.

- За правду виниться негоже, - отмахнулся я. – Но не единою лишь оптимизацией человеко-часов и максимизацией прибыли жить должно.

- Это я со всем пониманием – я же не итальянец, - почесал архитектор любимый комплекс. – У тех праздник-не праздник, а будь добр вкальвать. А у тебя по православному здесь устроено, с невиданною мною ранее заботою о ближних.

- Отчего же «у меня»? – улыбнулся я. – «У нас», Сергей Петрович, - напомнил о корпоративной солидарности. – Не твоими ли руками да головою премудрой дикое поле в дом теплый превратилось? Не ты ли ночами не спамши, заиндевевший весь, аки медведь-шатун в метели бродил, работников страшал?

Архитектор с заслуженной гордостью на лице хохотнул:

- Ох и веселое времечко было! Дело большое зачинать – радость великая, и трепещет сердце мое от того, что дом наш краше день ото дня становится.

Тоже не за страх, а за совесть и амбиции служит.

«Потешный городок» здесь недалеко, сразу за мостом через речушку в виде туго скрепленных стяжками бревен с набитыми перилами. Широко – паре телег разъехаться можно – а крепость перил проверял я лично: с завтрашнего дня сотни людей пропустить ему через себя придется, и очень не хочется, чтобы кто-то испортил праздник падением в ледяную водицу. Не потонет – там чуть выше колен в «фарватере», но метровой высоты хватит, чтобы переломать ноги о неровное дно.

Я здесь еще не был – так, издали косился, чтобы сюрприза себе не портить, и теперь с удовольствием взирал на неплотно застроенную снежно-ледовым добром территорию размером с футбольное поле. За один лишь вчерашний день все это отгрохали коллективным трудовым рывком, с предварительными многодневными работами малыми силами правда, но результат получился по этим временам беспрецедентный.

- Изволь во Врата Белоснежные войти, Гелий Давлатович, - пригласил меня проследовать под выложенной из больших снежных кубов-плит аркой.

Банальное названьице, зато не поспоришь. Проходим и видим парочку привычных моему, но не местных, взгляду, каноничного виду снежных домиков-иглу.

- Сказывают, охотникам придумка твоя понравилась, - поведал Сергей. – Строить этакий дом долго, толку с него немногим чем с норы снежной более, но перед друг дружку хвастать милое дело.

Хороший понт кто не любит? Охотники – у нас их трое «аборигенов», работают в спайке с монастырскими да посадскими – большие молодцы, без них нам бы сильно попортили кровь волки. Серое поголовье в окрестных лесах прореживается безжалостно, и я от себя «положил» мужикам дополнительную награду.

Далее мы посмотрели снежные избушки, грубовато исполненные статуи зверей – не ледяные, снежные, типа силуэты – на большую, из досок, звезду в центре площадки (не завелось покуда обычая ёлку наряжать), залитые водою горки и снежный лабиринт. Завтра на помостах на свободных пятачках встанут выписанные из Москвы скоморохи-«аниматоры» с конкурсами и призами, а дополнительно маленьких гостей будут поить горячими компотами с шиповником да одаривать порцией сдобренной сушеным мясом гречки с хлебом. Взрослых – нет, потому что закрома у меня не бесконечные.

Но это пришлых взрослых, а «большая тройка» из монастыря – игумен, келарь и благотворительный – и все свои работники в честь Рождества подвергнутся пиру. Собрать всех под одну

крышей не выйдет – уже сейчас достаточных площадей нет – поэтому я буду кушать с элитой в тереме, а остальных только забегу поздравить с мешочком премиальных да коллективно помолиться. Но это все, само собой, после положенных церковных и молитвенных служб.

- Добро постарались, - через Сергея хвалил я весь рабочий коллектив по пути в терем на обед в компании архитектора и ключника-Клима. – Тяжело зимою – солнышка мало, холодно, скучно, а особенно плохо деткам, коим на лавке днями сиживать приходится. Пушай хоть в гости к нам походят, с горки покатаются да покушают как следует. Большой праздник все-таки, светлый.

- Дело благое, Гелий Далматович, - не стал спорить Сергей.

А поместье и впрямь день ото дня хорошеет да ширится – нисколечко душой архитектор наш не покривил. К двум имевшимся баракам для рабочих добавилось еще столько же, к ним органично присоседилась баня, в которую всем жителям поместья предписано ходить минимум дважды в неделю (находились умельцы, которые ответственному за учет этого дела работнику взятки совали лишь бы и дальше грязнулей ходить), а неподалеку – еще один барак, из двух половин состоит: жилой и учебной, во второй заодно трое мастеров-педагогов живут. Здесь у нас два десятка беспризорников подросткового, от двенадцати до пятнадцати лет живут, учатся и работают под присмотром «воспитателя»-послушника монастырского.

Читать да считать педагоги-производственники наши не умеют, поэтому грамоте да счету ребят обучает приходящий из монастыря монах. У Силуана этим заниматься времени нету – у него теперь от рассвета до заката, на три группы разделившись, посадские детки учатся. Скажи кому в этом времени популярную во времена мои фразу о том, что учеба – бесполезная трата времени, даже не представляю насколько они изумятся. Это лично мне в русичах очень нравится, но и русичей из моих времен не осуждаю – когда чего-то дают всем и бесплатно, в виде базиса, это «что-то» не больно-то ценится.

Овладевают на базе первого нашего УПК ребята двумя профессиями: зачаткам плотницкого и швейного мастерства. Первое – всегда пригодится «по жизни», а второе нужно лично мне, потому что на текстильную промышленность у меня большие планы. Одежда нужна всем, а ежели она типовая, массово производимая и от этого дешевая, нужна и вовсе вдвойне, но уже не всем, а всем кроме аристократии и богатых купцов – эти на заказ себе шить и продолжают.

Когда пацаны подрастут, начнем привлекать их к более тяжелой да грязной работе (ежели «по профилю» в этот момент загружены не будут), а пока счастливицы вызывают у оставшихся в монастыре да посадке плюс-минус ровесников дикую зависть чистенькими шмотками, сытыми животами и безоблачным будущим. Не могу я помочь всем и сразу, но достаточно помочь хотя бы тем, кому можешь, и мир уже от этого станет чуть лучше для нас всех.

Неплохо пообедав с ближниками, мы втроем – «потешный городок» Климу смотреть было неинтересно – отправились проведать новый производственный объект, расположенный в новой, просторной рабочей избушке. С ним связан недавно потрясший окрестности случай – чудной грек объявил акцию невиданной щедрости, выдавая за самые грязные, драные и сгнившие до ветхости лохмотья либо новую ткань, по весу, либо тупо денег. Мало очень, и все выбрали ткань, но иначе как актом «бессребреничества» это никто не воспринимал. Зря – мне просто было нужно сырье.

Тряпки были тщательно расфасованы, и очень хорошо, что большая часть лохмотьев была серенького цвета. Далее состоялась серия экспериментов, позволившая нащупать рабочую технологию: лохмотья очень мелко нарезаются, затем замачиваются на несколько дней, далее – долго разваривается с добавлением золы, затем перетирается в ступках (это самый долгий и трудозатратный этап), полученная бумажная пульпа заливается в формочку – деревянную рамку с сеткою – вода с нее сливается, и «отлитые» листы собираются в переложенную войлоком стопку. После отжима и сушки получаем уже почти бумагу приближенного к А4 формата, но чернилами писать по ней проблематично – этакая «промокашка» получается, про-

питывается. Здесь на помощь приходит «проклейка» - готовые листы «промокашки» погружаются в чан с раствором животного клея, а затем снова сушатся и давятся нашим деревянным прессом.

Оценив процесс и полюбовавшись стопками готовой, грязно-серенькой продукцией, мы с мужиками решили с марта переводить всю внутреннюю документацию на собственную бумагу, а Афанасию при следующем его возвращении в поместье велеть везти образцы в Москву – качество похуже импортного, но за такую стоимость с руками оторвут!

Глава 4

Не дословно, но хорошо помню сценку с отцом Кабани из «Трудно быть богом». Изобрел там «Кулибин»-Кабани «мясокрутку», а ее у него центральная власть забрала, чтобы «делать нежный мясной фарш» в Веселой башне. Людей пытать то бишь, что интеллигентной душе изобретателя очень тяжело далось. Интеллигенты от разных сфер жизни общества вообще любят предаваться покаянию за то, что трудились на «кровавый режим», но мне такой подход чужд, и я за судьбу выкованной за день до сочельника нашим кузнецом мясорубки спокоен: у «запленных дел мастеров» инструментарий и методы работы веками отработаны, и применять мясорубку на «испытываемых» они могут разве что из личных садистских наклонностей, а так будет себе новинка стоять там, где и положено – на кухне.

Война и прочие формы человеческого насилия были, есть и будут. Для меня, носителя совсем иного менталитета, все вот эти боярские «а мы под Литву уйдем, нам-то чего» неприемлемы, и плевать, что окружающие за бегство/переезд меня не осудят – сам-то я себя не иначе как предателем считать буду, поэтому охотно отдам Государю всё, что способно изменить поле боя к пользе русичей. Мой это Царь, Православный, а там, за границами, чужие люди с чужой верой.

Короче – мясорубку и порцию приготовленных с ее помощью котлет из фарша я нес в монастырь руками маленького Федьки со спокойной душой.

- Дядька Гелий, а правду говорят, что ты – самому Государю нашему родич? – спросил по пути помощник.

Как не пытайся секретность поддерживать, а не утаишь шила в мешке.

- Правда, Федька. Но родич далекий, неважный, ты о сем не думай лучше.

- А как не думать, дядька Гелий, ежели оно думается? – задал пацан очень важный в жизни любого человека вопрос.

- Специально отгонять то, что беспокоит, нельзя, - ответил я. – Только силу от этого обретет, займет все место в душе да голове. Просто отвлекаться нужно – например, руками чего-нибудь полезное сделать.

- Я попробую, дядька Гелий, - пообещал Федька.

- Попробуй, - одобрил я. – А ежели не получится, ко мне подходи, вместе подумаем.

- Хорошо!

Не подойдет сменяемый переходным возрастом и испытывающий первый в своей жизни экзистенциальный кризис Федька – знаем мы этих подростков, будет из пустого в порожнее в голове гонять, но помощи не попросит ни за что: маленькая личность хочет чувствовать себя сильной и автономной. Вот где-то здесь я в прошлой жизни критично ошибся – думал, подойдут лоботрясы мои, поговорят ежели что не так, а надо было самому к ним лезть. Урок усвоен – буду внимательнее за своими «пасынками» следить, и, если замечу грустные мордашки, подойду и поговорю сам. Подростки – они гордые, но за протянутую руку помощи или простой моральной поддержки пусть и не сразу, но как правило хватаются.

- В дозоре с этим тяжко, - вдруг подключился к разговору Тимофей. – Сидишь, жизни да покой братьев бережешь, а душу мысли бережат, и не денешься от них никуда.

Плата за абстрактное мышление и без дураков очень сильный эволюционный механизм: ежели уметь предвидеть задницу, лезть в нее и не захочется. Но и проклятие, прости-Господи, немалое – такого норовит голова порой придумать, что хоть ложись да помирай.

- И как ты от них спасался, дядька Тимофей?

- Молитвою, - с улыбкой ответил тот единственное, что можно в этой ситуации.

- Молитва – в любом деле подспорье и от любого горя спасение, - процитировал какого-то из преподавателей Федька.

- Так, - согласился я.

Вера с чисто этой, предельно утилитарной точки зрения, гораздо лучше всяческих научных атеизмов – Вера-то надежду дает на то, что вот этот вот кровавый и нищий хаос вокруг – не единственная форма бытия, а ежели Веру у людей отнять... Видели мы, к чему оно приводит – когда «ничто не истина, все дозволено» материализм выходит на пик своего могущества, превращаясь в повальное воровство и желание разменять «первородство» на чечевичную похлебку. Ежели нет большой, всеобъемлющей Истины, какой вообще смысл стараться жить честно? Правильно – никакого, и страх загреметь в тюрьму здесь вообще не рассматривается: ко всему человек привыкает, в любой чуши себя убедить может, и даже проведя всю сознательную жизнь на нарах будет странный кретин гордиться тем, как ловко он возложил болт на систему, спустив свою жизнь в унитаз.

Исключения всегда и везде есть, но ориентироваться именно на них нельзя: любые системные усилия, в том числе и имплантируемый окружающим миром в сознание нового человека комплекс Православных норм, служит не насаждению всеобщего блага, а минимизации ущерба от совсем уж отбитых отщепенцев. Воруют здесь истинно верующие? Конечно. Обманывают? Вдвойне «конечно», но подавляющее число людей здесь в полной мере обладают тем, что зовется «доброй волей». Как, впрочем, и всегда, и везде – иначе человечество попросту сколлапсировало бы под грузом накопленной социопатии. Хорошие они в массе своей, люди, и я предпочитаю верить им до тех пор, покуда они не доказали обратного. Немного потерянных от такой позиции денег я считаю малой ценой за возможность сохранить саму веру в человечество.

Проблем ни у ворот, ни по ходу движения, ни у входа в мой бывший дом не возникло – все грека знают, все любят, и везде я желанный гость. Приятно такое доверие и расположение ко мне, и терять ни то, ни другое я не планирую.

Батюшка игумен встретил незваных нас в своем кабинете. Встретил радушно, с готовностью отложив все дела – знает, что попусту Гелий ни свое, ни чужое время тратить не станет.

- Вот, батюшка Алексей, - жестом велел я Федьке поставить на стол закутанное в тряпицы блюдо с котлетками и положить рядом мясорубку.

Некрасивая – формы грубы и стремятся к кубическим, металл несет на себе следы обработки, ручка вращается тяжело, а ножи по словам кузнеца пусть и выполнены из металла доброго, но заточку держать будут хреново. Но чего еще от прототипа ждать? Главное – работает.

Я объяснил игумену принцип работы, угостил котлеткой (рыбные они, день-то сегодня пусть и скромный, но мяса животного есть нельзя), рассказал о том, что кузнечный коллектив «валандался» с мясорубкой дольше недели, но теперь готов раз в четыре дня по такой выдавать не отвлекаясь от других, гораздо более важных, дел.

- Еще когда только попал сюда, в монастырь этот славный, хотел тебе, батюшка, в подарок устройство сие преподнести, да завертелось-закрутилось, только сейчас и спохватился.

- Неисчислимы дары самой Русью от тебя полученные, - улыбнулся мне Алексей. – Благодарю тебя, Гелий Далматович – угодно Господу было зубов меня лишить, дабы укрепить в смирении. Ежели тебя теперь с устройством сим пищу размягчающим послал, стало быть доволен Он рабом своим недостойным.

Неплохо Божий промысел отслеживает, профессионал!

Мир за окошком медленно, но неотвратимо терял краски, погружаясь в вечерний зимний мрак, а мы с важными для поместья людьми собрались в моем кабинете.

- Убытки поместья нашего на данный момент девятьсот три рубля серебром, - заканчивал отчет Клим Петрович.

Сочельник сегодня, самое время подвести промежуточные итоги.

- Однако убытки имеют устойчивую тенденцию к снижению. Конкретно за ноябрь-месяц мы потеряли двенадцать с половиною рублей. Предполагаемые потери за декабрь – девять рублей, за январь – шесть с половиною. С учетом намеченных на весну планов, в марте и апреле убытки вновь вырастут, но к июлю-августу, ежели Господь испытаний неожиданных не пошлет, поместье наше выйдет на самоокупаемость, а еще через год у нас есть объективная возможность окупить вложения и начать получать доход.

- Полагаю, окупимся и начнем получать доходы пораньше, - оптимистично заявил я. – Спасибо за отчет, Клим Петрович. Как всегда, блестяще.

- Спасибо, Гелий Далматович, - с поклоном опустил он на ближайший ко мне стул за прислоненной к моему столу ножкой буквы «т».

- Далее на повестке собрания у нас расширение валеночной мануфактуры, - посмотрел я на Евгения.

Тот самый монастырский «лапотник», получив от меня предложение сменить работу, думал недолго и даже прервал свою карьеру послушника, чем изрядно расстроил батюшку игумена. Не так уж крепок в Вере оказался, но рулит нашим «валеничным» сектором экономики как надо. Эффективность «отдела»-то оценить легко даже без траты личного времени впустую: ежели сбоить начнет, мы сразу заметим, а раз работает хорошо, значит и руководитель у него толковый.

Не в запикивании личного своего носа во все места заключается мастерство начальника, а в умении выстраивать процессы так, чтобы этого НЕ делать. Кадры, собака такая, решают все не только в СССР, а «по жизни». Везло мне с ними и раньше, везет и теперь. Не всегда – в отличие от ключника, «торгпреда», Евгения и прижившегося у нас кузнеца, другие получившие зону ответственности люди за короткие месяцы смениться успели не раз и даже не два. Тасую кадры безжалостно – сейчас, когда выстраивается основа исполинской корпорации (а на меньшее замахиваться я и не хочу), выбирать людей нужно особенно тщательно, потому что им в будущем предстоит занять ключевые места с совсем другими рисками. Сейчас смена начальника разве что на уровень личной лени работников влияет, а в будущем станет способна парализовать работу критически важных отделов: пока новичок в курс дела войдет, пока за предшественником подотрет...

Гарантий, когда дело касается людей, не бывает нигде и никогда – всегда найдется кто-то поначалу нормальный, а потом зажавшийся и обленившийся. Всегда найдется «машина-тор», который попытается выжать из компании больше, чем ему положено. Всегда найдется «серая мышка», которая, поначалу не отвечивая, в какой-то момент неожиданно для всех окажется где-то очень близко к вершинам социальной лестницы. Товарищ Сталин например, в успехе которого некоторые вычленили интересную деталь: Иосиф Виссарионович по-русски в молодости говорил не очень, талантов ораторских не имел, поэтому, пока его коллеги толкали на площадях пламенные речи, Сталин корпел над бумажной и организационной работой. Вот и «докорпелся» до высшей должности в стране. Словом – идеальных прогнозов и людей не бывает, и главное – это минимизировать потери.

- Трое новых работников цеха первичной обработки шерсти в первую рабочую неделю показали усердие и прилежание, - поделился хорошей новостью Евгений. – А Стёпка-валяльщик обиделся сильно на то, что титул «лучшего работника» по итогам ноября потерял и через это руки опустил. Завтра переведу его в «первичный цех», а на его место новенького переведу – в «первичке» лишние руки только мешаться будут.

- Ишь ты, обиделся, - фыркнул Клим.

- Попрошу Силуана отдельно за погрязшую в гордыне душу помолиться, - пообещал я. – Все у тебя? – спросил докладчика.

- Всё, Гелий Далматович, - поклонившись, Евгений уселся обратно.

Мотивация – она сильно разная бывает. Ежели спросить персонально мое мнение, эта штука вообще как таковая исчезнуть должна. Все взрослые люди, все понимают, что работать нужно, и от работы твоей зарплата собственная зависит, но один черт приходится вешать «доски почета», колдовать над системой штрафов и премий, время от времени лично хвалить отличившегося и накачивать, накачивать, накачивать работников корпоративной солидарностью. И в мои-то времена это все хорошо работало, а в этих у русичей от одной лишь «доски» крыши поносило так, что на фоне мечты о попадании на нее даже поразительно щедрая по этим временам зарплата как-то меркнет, хотя на нее вообще-то внимание в первую очередь и надо обращать. А что будет, когда я начну вручать грамотки и «висюльки» за организационно-трудовые подвиги?

- Как поживет кузнечное дело? – перевел я взгляд на кузнеца-Петра.

- Слава Богу, - коротко ответил тот.

Перекрестились, и я воспользовался моментом, чтобы порадовать исполнителя сложного заказа:

- Мясорубка батюшке игумену понравилась. Обещал в книгу тебя специальную записать, чтобы потомки знали, благодаря чьим рукам это полезное изделие обрело плоть.

- Спасибо Его Высокопреосвященству, - смущенно поклонился кузнец.

Приятно, когда «потомки» - крепки в эти времена связи между поколениями, и такой ситуации, как незнание ФИО даже собственного прадедушки, здесь не встретишь, если, конечно, не напороться на исключение в виде потерявшего всю родню еще в бессознательном возрасте беспризорника.

- Текстильное дело? – обратился я к архитектору.

Он не шьет и не ткёт, он по поим кривым объяснениям и жалким подобию чертежей и при помощи плотников пытается построить ткацкий станок. Без него придется шить шмотки актуально времени – силами крестьянок, а я так не хочу. Я вообще если честно побаиваюсь момента, когда придется заселить в поместье семьи работников и «запустить» сюда незамужних баб. Проблем сразу прибавится, и не потому что дамы плохие, а потому что начнут «олени» средневековые рогами сшибаться в схватках за лучших самок. Ох, грехи мои тяжкие. Ладно, все равно без этого никак – до больших проблем пока не дошло, но крестьянки посадские к нашему поместью стараются лишней раз не приближаться.

- Работаем, Гелий Далматович, - отозвался Сергей Петрович. – Сроков, как и прежде, назвать не могу даже приблизительных – совсем не такой у нас станок должен получиться, как у ремесленников в городе.

Я что там у ремесленников не видал, но верю компетентному человеку – ежели «совсем не такой», стало быть так оно и есть.

Глава 5

Как следует отпраздновав Рождество, мы от души пропахали остаток зимы, и к началу марта наше поместье уже совсем не напоминало «дикое поле». Не напоминало оно и своих «коллег» привычного этим временам образца, а напоминало небольшой рабочий поселок, нещадно коптящий в небеса десятками печных труб. Монастырь да посад тоже такими постепенно обрастают, но за экологию я спокоен: да, в мои времена панику любили поднимать, и городов грязных на Руси хватало, но где индустриальные комплексы XX-XXI века и пара сотен печек? То-то и оно.

А вот речка меня беспокоит. Много всякого в нее и без меня сливалось, но теперь всё, что ниже поместья по течению, лучше вообще никак не использовать – пусть себе утекает. Таблички предупреждающие мы с дозволения батюшки Игумена поставили, но кому на них не плевать? Ну и что, что не буквы там, а пиктограммы предельно понятные? Так, достопримечательность – видно же, что вода прозрачная да рыба в ней плавает, значит и переживать не о чем.

К счастью, и посад, и монастырь находятся выше нас по течению, а до ближайшего селения «ниже» почти четыре десятка верст – умпевают источники подземные гадость разбавить. Впрочем, может и напрасно я парюсь – не то чтобы прямо вредные производства у нас здесь. Да и мусора в речку мы кидаем несоизмеримо меньше остальных: у нас компостные кучи, глупобокие сортиры, и основной наш «отход» - мыльная вода с бань, умывальников и прочего.

До последнего не хотел я поместье свое забором огораживать. Спокойные места здесь, патрулей да селений много, и из угроз только волки, коих неплохо «пропальвают» охотники. От них и других тварей Божьих и плетня хватит. Увы – так считал только я, поэтому пришлось оторвать рабочие руки от реально полезных объектов и направить на сооружение частокола.

Будущие поля в него запихивать не станем – этак никаких бревен не напасешься – но жилую и производственную зоны огородили добро, снабдив частокол парой ворот. Одни на Севере, к монастырю, посадку и тракту ведут, вторые – на Юг, где у нас поля будут. Это – для крупного габарита, а люд посадский к нам через мостик с калиткою ходить может. Ходили всю зиму, как бы просто посмотреть. Бывают в «Слободке греческой» (а как еще народу мое поместье называть?) и более далекие гости – весь февраль у нас прожило три калики перехожие (честно за стол и приют трудились) и пара юродивых. Последние, на правах старых знакомцев, много времени проводили в монастыре, общаясь с Иннокентием. Догадаться о сути сих разговоров несложно – через пару недель после их начала юродивые принялись старательно ходить в баню. С удовольствием буду следить за «юродивым движем» и дальше – может нечаянно тренд на чистоту среди них зародил?

Двухэтажных барачков у нас уже шесть. Крыло одного из них целиком «гостевое» - раз уж начали Божьи люди в гости ходить, значит уже и не останутся. Но приходят и иные – кто в работники попроситься, кто заночевать, кто (купцы в основном) с предложениями коммерческими да караванами своими... Превращаемся в центр местной «движухи», в общем, оттяпывая этим немного статусности у монастыря.

Не обижаются настоятель, но старается «оттяпать» как можно больше в ответ. Печки, например, монастырь уже давненько продает всем желающим да отправляет заказчикам мастеров-«гастарбайтеров» за процент. Или валенки те же – в силу простоты технологий, обилия рабочих рук и оборотных средств на закупку сырья, монастырь уже давно обогнал нас по производительности. Ёмкость рынка пока позволяет нам не толкаться локтями, но крестьяне окрестные тоже не дураки – и на себя валенки катают, и на продажу. Целая артель в посаде из двадцати мужиков теперь всё рабочее время чешет, отбивает и ошпаривает – эти и поля по весне засаживать не станут, незачем, огородика и звонкой монеты (два рубля пара, напоминаю!) хватит прокормиться с избытком.

Пыталась зародиться и другая артель, поменьше, но на помощь старым пришли классические методы вне-рыночной конкуренции: начинающих предпринимателей немножко побили, а потом трое из них влились в основной состав артели старой. Двое вернулись на поля и огороды сильно обиженными – старые обиды с артельщиками новому трудоустройству помешали. Выслушав эту историю, я укоризненно покачал головой – нельзя так, чай не девяностые на дворе – попросил навести справки, а после нанял в свою «валеничную» двух не пригодившихся артели мужиков. Работники они хорошие, дурного в этом плане никто в посадке о них не говорил, а реваншизм и желание «умыть этих козлов» прямо способствуют производительности их личного труда.

Если здесь, в глуши, такая суeta из-за валенок стоит, чего говорить про старые, крепкие ремесленные центры? Ту же Москву, например – нету патентного права, а крыша Данилы Романовича пусть и велика, но не сажать же ему в яму каждого, кто пытается валенками торговать? Беспределом это выглядеть будет как ни крути, потому что Государев человек класть на законы хоть и может, но сильно не всегда. Всё, утекла да разошлась по Руси тайна коммерческая, и стала просто активно развивающимся сегментом рынка. Жаба душит, но слабенько – не обеднеем, а народ меньше ноги застужать станет, это ли не благо?

Рынок – штука беспощадная, и спрос на основное сырье – овечью шерсть – попросту не мог не пережить бурный рост от пытающихся «влезть в новую тему» деятелей. Спрос растет – растет цена, что бы там коммунисты не говорили. Все стоит ровно столько, сколько за это готовы отдать, если вычесть из этого уравнения монополии. Пока помогает длинное логистическое плечо и скудность средств связи – пока донесет кто-то толковый новинку до родных мест, пока потренируются, пока потопчутся по производственным граблям... Короче – шерсть издалека в центр Руси возить нынче очень выгодно, и Афанасий смог выгодно здесь подсушиться: у нас теперь транспортная компания есть, караваны по Руси гоняет, и я никого из тамошних работников в глаза не видел и не увижу – в этих краях другие караваны ходят.

Теоретически я мог бы уже сейчас скрутить цену, нарастить объем еще сильнее и брать количеством да ценой, но зачем? Я поступил наоборот, увеличив цены еще на рупь, велел немного прибавить в толщине и плотности войлока, а еще на каждый валенок теперь ставится клеймо в виде древнегреческого образца амфоры. Знаком предмет сей далеко не всем, но на поповый лавровый венок я решил не зариться – у него сакральное значение и определенные традиции использования есть, а тут – валенки...

Хороший понт – он на вес золота, и валенки обновленные красуются вышивкой, меховой оторочкой (эти еще дороже), и ими с полной уверенностью в себе можно выпендриваться перед окружающими. Спрос пошел такой, что работаем теперь строго по предзаказам, и расписаны они на два месяца вперед.

Помимо барачков и моей усадьбы, за жилые мощности «слободки» отвечают уютные теплые пятистенки с большими окнами для «випов» - у Климка лучше, и к ней теперь достраивается второй этаж, ибо с запасом под него изначально и строилось.

Водяное колесо достроили к середине февраля, и из кузни теперь весь день слышны могучие удары «запитанного» от водной тяги кузнечного молота. Производительность труда жалкие по привычным мне меркам двадцать ударов в минуту увеличили просто невероятно, пришлось выписывать из Москвы еще две кузнечные бригады под руководством опытных мастеров. Скоро превратимся в один из крупнейших кузнечных центров Подмосковья.

Ткацкий станок, собака, никак не дается – то одно криво работает, то другое. Молимся за него много и часто, копим опыт, и однажды цель непременно будет достигнута. Ну а пока, чтобы сырье и рабочие руки не простаивали, на базе посадских хозяйшек мы сформировали «рассеянную» мануфактуру. Объемы покуда скромные, зарплаты с кормежкой да сырье отбивает, и Слава Богу – дальше-то лучше будет.

Активно развивается плотницкое дело – лесопилка наша нормальной дисковой пилой оснащена, на приводе механическом из запряженных в колесо лошадок работает, и бревна на доски мы распускаем споро и аккуратно. Готовая продукция из них сколачивается двумя с половиной десятками работников – типовые столы, стулья, лавки, сундуки и прочее. Задел на отпочковывание элитного подразделения есть – многим уважаемым людям будет приятно ощущать под своим геморроем мягкую обивку. Мастерим и телеги с колесами, в основном для нужд собственных и нашей логистической компании.

В нашем мире одно любит цепляться за другое. Вот поднаторел кузнец в мясорубках, а там основной элемент – винт. Технология освоена, а значит масштабировать винт как минимум в большую сторону дело двух-трех запоротых попыток.

Станки для отжима бумаги, токарные, плотницкие и простенькие, горизонтальные, ткацкие у нас есть, равно как и способные их воспроизводить люди. В начале февраля в команду добавился выписанный аж с Монетного двора мастер-гравер. Он – фигура здесь ключевая, потому что вырезать пуансоны да литеры может сильно не каждый. Зарплата у дяденьки хоть плач – десять полновесных рублей в месяц.

Имеются у нас и мастера-плавильщики, благодаря которым у нас завелся оловянно-свинцовый, достаточно мягкий, сплав для отливки литер. Слишком мягкий на самом деле, переливать литеры заново придется часто. Ищем чем укрепить без потери свойств, а мне остается только жалеть, что я не металлург.

Соединив всё это вместе, мы получили печатный станок. Работает медленно, литеры выдавливаются неравномерно, бумага тоже того еще качества, но все это на долгой дистанции будет исправлено. Главное – сама технология, и я с огромным трепетом лично упаковывал в красно-золотой бархат тонкий, оснащенный кожаной и выделанной драгоценными камнями с золотой окантовкой обложкой, томик с Евангелием от Матфея, кое будет преподнесено в качестве подарка и демонстрации прорыва самому Государю.

Подобное изделие без согласования с Церковью нынче на Руси лучше даже не пытаться производить, поэтому я конечно же запросил «добро» у батюшки Игумена, а тот перенаправил запрос к самому Митрополиту. Макарий одобрил и даже пообещал не портить Государю сюрприз, рассказав о подарке раньше времени. Когда Иван Васильевич проникнется, мне почти гарантированы жирные инвестиции и крупные заказы – либо от Митрополита, книги духовные печатать, либо Царь сам станки у нас да печатную продукцию закажет – законы те же печатать, потому что в провинциях Руси до сих пор из юридических норм только корявый список «Русской правды» Ярослава Мудрого и есть. Статусно будет, опять же – иначе как технологическим чудом книгопечатание здесь никто и не считает, ну а я очень хочу причесать русский язык до привычного мне вида.

Так-то лишние символы по сравнению с той экономией человеко-часов, что дают «титлы», сиречь общепринятые на письме сокращения, погоды не делают, но как-то оно все равно чуждо моему глазу. Попробую залезть, если появится возможность, но это в самый конец приоритетов отправляется – нос не дорос великий и могучий волею своей в другое русло направлять.

Евангелие Государю передаст лично Данила Романович, а после этого лично собирается прибыть к нам в гости. Числа десятого марта плюс-минус пара дней. Давно не виделись, и несмотря на активную переписку у нас накопилось много тем для вдумчивого обсуждения с глазу на глаз. Ну и просто любопытно ему – рассказы очевидцев это одно, а своими руками на «Слободку греческую» посмотреть совсем другое.

Дни становились длиннее и теплее, все еще холодное солнышко изо всех своих немощей пыталось греть Русь своими лучиками, но самое дыхание весны уже ощущалось не телом, но душой. Весна! Только здесь я по-настоящему прочувствовал всё, что несет за собою это время

года. Там, в усредненно-комфортных условиях, огородившись от сил природы высокотехнологичными материалами, отоплением и кондиционерами, организм и близко не ощущал такого биения самой жизни, а здесь даже крохотная капелька воды, сорвавшаяся с крыши, вызывает трепет. Или это из-за молодости моего нового тела?

Тело важно, бесспорно, играет гормон, не дает на месте сидеть, но мне оно и не надо – на носу Ее Величество Посевная, и мы к ней параллельно с другими делами старательно готовились. Хорошо, когда ничем особо не рискуешь – свой запас непривычных для Руси семян я на «общих» полях сажать конечно же не стану, под них особая делянка планируется. Сельское хозяйство мне нужно не столько для пропитания (его нам наличность обеспечит без проблем), сколько для обкатывания своих поверхностных агротехнических знаний.

Работать будем с четырехполем, что уже по этим временам является прорывом для Руси. Поля разделены на четыре зоны. Одно – под бобовые, которые насыщают землю азотом, делая ее пригодной для более капризных культур. «Паров» в этом году не будет – чистое поле да бывший лес распаваем, пока не нужно. Не было нынче и озимых, но будут по осени.

Основная работа была направлена на инвентарь. Первое и самое важное – замена привычной местным деревянной, оснащенной железным наконечником-«ральником», сохи на нормальный кованый плуг-«отвал» из каленой стали. Он не только бороздит землю, но делает это на большую глубину, заодно переворачивая пласты земли и поддушивая этим сорняки. Отдельная приятная деталь – отвал закреплен на рамке при помощи штырей и дырочек, это позволяет контролировать глубину вспашки.

Вторая чудо-технология – железная борона. Местные для этой цели обычно используют деревянную колодку, а мы сделали сварную раму с железными зубьями. Они и покрепче, и заменить в случае поломки легко.

Третье – настоящее средство автоматизации! Ручная сеялка в виде деревянного ящика с ручкой и приводимым ею в движение валом с лопастями внутри. Сколько бы опытным не был сеятель, все равно в жмене его неодинаковое количество семян окажется, и разбрасывать он их будет с великой погрешностью. Сеялка наша понадежнее будет!

Это всё для первичных, ключевых, но не единственных работ. Дальше, до самого момента уборки, будущий урожай нужно пропалывать. Здесь я предложил аборигенам самую что ни на есть привычную железную тяпку на деревянном черенке, которая имела в каждом оснащенном огороде доме/даче в мои времена. Кузнец такому заказу не удивился – кто-то где-то тяпки и без меня применял, не то чтобы коллайдер, додуматься и реализовать легко, но повсеместному развитию тяпки мешает дороговизна: железо-то на них потребно доброе, из поганого даже смысла нет ковать, за считанные дни в негодность придет.

С удобрениями ситуация так себе – только натуральное, навоз, зола да компост. Вот с последним у нас дела лучше, чем в среднем на Руси, потому что в голове моей имелось детское воспоминание о том, как еще даже не начавший ходить в школу и тем более не переехавший в Грецию я, бегая по бабушкиному и дедушкиному огороду за курами, свалился в компостную яму. Было неприятно, зато воспоминание получилось ярким. Дед мой был человек умный, и, отвесив мне шлепок по испачканным шортам, принялся забалтывать перепуганного внука первым, что пришло в голову – рассказом о том, что лучший компост получается если выкладывать «сырье» слоями и время от времени перелопачивать. Вот слоями в наших компостных ямах мы отходы и складировали, и «прошаренные» местные результат сочли годным.

Какое-то количество перегноя с компостом разойдется по полям, но основная часть первого будет потрачена на строительство парников под огурчики. Чудовищно дороги получатся, основная часть парников-то стеклом, пусть и плохоньким, относительно дешевым, покрыта. По паре парников отдадим на эксперимент: попробуем применить вместо стекол слюду да бычьих пузыри. Сомнительным мне такое замещение кажется, но попытаться стоит. А еще идут переговоры о найме стеклодувочной артели – как-то я поначалу упустил это направление. Может

и здесь чего улучшить смогу, вон как ловко в других, специально не изучаемых сферах деятельности получается: просто хожу по поместью, смотрю за работой и изделиями, и время от времени в голове щелкает – «а вот видел я в мои времена похужее, но лучше...».

Не обошел я стороной и саму организацию труда. Общее место всей нашей деятельности – подробный, разбитый на потребные шаги, план. От этого улочки поместья идеально ровные, постройки не вгрызаются в участки друг дружки, а выстроены на заранее расчерченной площади, сгруппированы по производственным цепочкам, а работники не тратят время на поиски и расспросы бригадиров «а че дальше-то делать?».

Схема полей начерчена на закрепленных на здоровенной доске бумажных листах. Работники распределены по рабочим бригадам, и на добротнo вспаханные и проборошенные поля выйдут оснащенными доведенным до доступной мне степени совершенства инвентарем. Сами поля местным тоже непривычны – люди стараются делать грядки и рядки ровными, но без фанатизма и «на глазок». Мы же размечали поле при помощи палок, веревок и связанного из палок «аршина». Ровные ряды упростят уход за будущим урожаем и помогут растениям получать более-менее равномерное освещение и питательные вещества из почвы.

Имеется во всем этом, помимо очевидного желания подтянуть сельское хозяйство на Руси и сэкономить на закупках еды другой, заметный не сразу, но весьма важный момент. Мир в эти времена «крутится» вокруг сельского хозяйства. При всем пренебрежении уважаемых людей к крестьянству, важность «мужика» для самого существования человечества не отрицает никто.

Это выливается не только в лоббирование крепостного права, но и в вольно-невольном восприятии сельского хозяйства как штуки предельно важной. Таковой оно и является – расскажи здесь кому, что еда берется из магазина (а такие уникамы в мои времена попадались), они только улыбнутся, приняв это за шутку. Короче – крепость хозяина в этом мире во многом определяется через его умение отладить сельское хозяйство на своих землях. Я за результат спокоен – тот же Клим, например, меня от доброй половины новинок отговаривал (в частности от сеялки – «зерно руку живую любит, с молитвою в землю его сажаящую»), но по осени, когда соберем урожай и подведем первые итоги, заткнется столь же моментально, как и вообще все вокруг.

Хочется людям помогать, поэтому, когда посад, монастырь да деревеньки окрестные в результативности новинок утвердятся, я очень льготные программы «лизинга» на те же плуги выкачу. С большим-пребольшим дисконтом, но ни в коем случае не бесплатно – не ценится оно, бесплатное, и в этом заключается одна из грустных истин нашего мира.

Ну а экспериментальная делянка для новых семян вообще нынче является одним из самых дорогих объектов в поместье. Одна оснащенная стеклами теплица стоит столько, что у Данилы в Москве желваки по роже гуляют. Благо – небольшая, под перчик, тыквы да кукурузу. Сажать сразу всё я конечно не стану, чтобы иметь хотя бы крохотное окошко для ошибки. Рядом с теплицею – добро удобренные грядки, а под теплицей и «теплолюбивой» частью грунта мы закопали плотно стянутые и просмоленные деревянные трубы, по которым в прохладные дни будем пускать дым, выделяемый четырьмя печками. Насос бы, да водичку им по трубам гонять, но чего нет того нет – опытным путем выявили пригодные для такого «отопления» перепады высот и конструкцию.

Снег потихоньку сходит, до начала сезона совсем немного подождать осталось, ну а пока нужно сочинить для Данилы нормальный пир, в прошлый раз-то амбиции о Пост споткнулись.

Глава 6

Для Данилы Романовича я расстарался. Вечно изображать юродивого аскета можно, но как бы не обиделись на меня за такое. Пришлось тряхнуть его же мощной, заказав набор серебряной посуды, украшенный положенным мне по праву рождения двуглавым «ромейским» орлом. Невелик понт, но в своем ответном на эту просьбу письме Данила горячо мое начинание одобрил («наконец-то вразумил тебя Господь») и подрядил для заказа лучшего из доступных ему мастера. Посуда получилась закачаешься, вполне достойная наследования потомками в качестве фамильной реликвии. Выглядит так, словно уже пару веков она у меня хранится, но «старость» сия – благородная, с коррозией ничего общего не имеющая. И как умудрились? Набор мне прислали полный: от ложек и вилок разных размеров до внушительных объемов блюд и изящной подставки под фрукты. Всё как просил.

Обновил я себе и гардероб, заимев полный «парадный» набор в двух видах: уличном и домашне-пиршественном. В самом низу – трусы и майка из дорожущего в силу редкости и иноземного происхождения хлопка. Таких комплектов у меня три, и Гришка стирает их с особой аккуратностью. Я себе не враг, и смирением плоти готов заниматься ровно столько, сколько требуют обстоятельства и возможности. Очень приятно, когда местная одежда не натирает тело, пусть и привычное, а задница, прости-Господи, не потеет.

Далее – рубаха из тонкого льна. Крой необычный: вместо принятого здесь, откровенно мешковатого, рукава напоминают кимоно – не тянут и не мешают плечу. Цвет – лазурный, один из самых «богатых». Воротник-стойка оторочен шелковыми нитями. Можно носить в «строгом»-застегнутом и «неформальном», расстегнутом, виде. Вместо привычных завязок – маленькие пуговицы, они же скрепляют и остальную рубаху.

Портки того же материала и цвета уходят либо в уличные, навороченные и блестящие камнями валенки, либо в домашние сапожки из мягкой кожи. По лету смогу позволить себе тапочки, а пока холодно. Выше рубахи – кафтан. Не тяжелый, плотной парчи, как привыкли бояре, а темно-вишневого цвета из лучшего из доступных мастеру сукна. Снизу подбит шелком. Крой – новинка! – приталенный, а не тем же «мешком». Не шибко, чтобы косых взглядов вызывать поменьше – а ну как содомит?!

Рукава не как принято, откидные, а сужающиеся к запястью. Легкая отсылка на подрясник послушника и простое удобство. Серебряные пуговицы кафтана выполнены в виде искусно вырезанных львиных голов – еще один «ромейский» символ.

К решительной отправке в небытие мною были приговорены классические боярские «горлатные» шапки. Неудобно, а в моих глазах еще и комично – попросту не смог себя заставить носить этакую прелесть. Шапка у меня окломонгольского, напоминающего шапку Мономаха, но в неопасной для меня мере фасона, выполнена из вишневого цвета бархата и оторочена полоской соболя. Сбоку – серебряная брошка, которая добавляет изящества. Еще у меня есть более теплый вариант – черная соболина ушанка, но это до следующей зимы носить уже не придется.

Пояс у меня кожаный, с серебряными бляхами, украшен камнями. Крепятся к нему «планшет», чехольчик с «карандашом», небольшой нож в тонких ножнах и конечно же кожаная сума. Помогают таскать инвентарь внутренние карманы, но по-прежнему почти не пользуюсь – незачем. Все вместе символизирует, что я не воин, а так сказать по экономической части. Считаю – наоборот, но не менее полезно: кто-то же должен генерировать добавленную стоимость, которая, приняв форму стали и умеющей ею орудовать плоти обрушится на всех, кто не хочет Руси добра.

Венчает парадный костюм само собой шуба. Здесь выделяться себе дороже – не для понта единого она, а для выживания. Длинная, защищающая от ледяных среднерусских ветров

тело и ноги. Пошита из соболей, и стоит как четыре теплицы. Жаба душит ужасно, но нельзя мне более уважаемых людей в волчьих шкурах встречать, вызываяще не по рангу оно, могут и обидеться, а мне проблемы совсем не нужны. Чай не в колодках ходить приходится, а в теплых и приятных мехах – совру, если скажу, что мне это неприятно.

- Вот теперь перед собою Палеолога вижу, - похвалил мой наряд Данила Романович, когда я встретил его у ворот поместья.

Мог бы и не встречать, но гость званный, желанный, и многое для меня сделал – не сломаюсь же от маленькой демонстрации моего расположения?

Раскланялись, на правах старых приятелей обнялись, и я с улыбкой парировал:

- Ты лучше на поместье смотри, Данила Романович – вот оно, в отличие от меня грешного, великого внимания и оценки строгой требует.

- Посмотрим и поместье, Гелий Далматович, - хохотнул гость, и я провел его в ворота.

Вся «Данилова сотня» у нас не поместятся, поэтому следом прошло два десятка человек – пятнадцать охраны и пятеро слуг. Из транспорта – две телеги, одна гружена добром Данилы, а вторая...

- Подарки тебе от Государя, меня и других уважаемых людей, - проследил мой взгляд боярин. – Особо – от Алексея Александровича, я тебе портрет дочери его в середине февраля присылал.

Ух, портреты современные... В мои времена любой школьник, который пару-тройку лет проходил на профильные кружки при художественной школе, убрал бы почти всех здешних мастеров одной левой и не особо напрягаясь. Ладно, насчет «почти всех» сильно преувеличиваю – элитные отцы доченек «на выданье» платят за портреты огромные деньги лучшим, но фотографическим сходством там и не пахнет. Какое-то впечатление составить можно, но...

- Помню Софию Алексеевну, - кивнул я. – Щеками румяна, бровями черна.

- Так что, можно сватать начинать? – подсуетился Данила.

- Еще подумаю, Данила Романович, - обломал я его. – Сам понимаешь – на всю жизнь себе жену выбираю, дело очень серьезное.

- Да чего там выбирать, хоть любую бери – бабы как бабы, характером кротки, статями пышны, за каждой приданное достойное, - пробурчал боярин. – Шибко тянуть станешь, пойдут слухи нехорошие – мол, совсем тебе бабы русские не любы, а надо тебе магометанку.

- А то и в содомиты запишут, - поддержал я разговор.

- Хуже этого ничего быть не может! – признал Данила. – И вообще – где это видано, чтобы в поместье ни единой бабы не было? Маются мужики, кровь у них без баб дурнеет, а те, кто женатый уже, и вовсе на два дома живут, да деток родных толком не видят.

- Как раз к этому готовимся, - признался я. – Зимой трудно было, пока обжились, пока то да се, а теперича, по теплу, и семьи работников перевозить сподручнее, и в шалашах да под навесами покуда жильё не выстроим нормальное пожить смогут. А вот чего с бабами для других делать – не знаю, в окрестностях девок на выданье не больно-то много.

- А зачем тебе чего-то самому делать? – удивился Данила. – Ты разреши, они живо сами себе баб найдут. Главное к работе пристроить – богато твои работники живут, и сами семейства свои прокормят, да без дела человеку сидеть не пристало.

- Согласен с тобою, о работе в первую очередь думаем, - кивнул я.

- Видно сие, - поверил мне боярин. – За зиму одну лишь этакую слободу отгрохать не каждый сможет.

- Каждый, у кого денег много и могущественный знакомец в Москве есть, - скромно заметил я.

- Не скажи, - продолжил гость меня хвалить. – Иному ни деньги, ни знакомцы не помогут, а лишь в голову ударят гордынею большой, спустит он все на пустяки бранные, по миру и сам пойдет, и людей своих пустит, а то и вовсе играть да пить страшно станет. То, что не таков

ты, сразу я видал Гелий Далматович – эвон как ладно у тебя всё, плетень к плетню, домик к домику, и самую реку себе даже на службу поставить умудрился. Много про тебя на Москве нынче рассказывают, и вижу – не всё врут.

- Чудеса поди обещали? – улыбнулся я.

- Напротив – домишки плохонькие да нужду великую, - хохотнул боярин. – В Греции-то поди поместья другие, и управлять им ты, сам говорил, не учился никогда.

- Ежели в одном месте хорошо труд людской наладить умеешь, справишься, пусть и не сразу да с ошибками, и в других, - пожал я плечами. – На многие свершения да благодеяния люди способны, главное – направить их труд туда, где от него польза наибольшая прибудет. Вот, кстати, изба испытательная, где станок наш ткацкий никак не заработает...

Под экспресс-экскурсию мы добрались до усадьбы, и я провел Данилу с его слугами и багажом в гостевые покои терема. Эффект жилище мое произвело ожидаемый – важный государственный деятель заворуженно крутил головой и не стеснялся пошире открывать рот от удивления.

- Мастера мне своего дашь? Терем свой перестроить хочу, - совсем не удивил он меня просьбою.

- Обсудим, - кивнул я. – Лучше про Государя расскажи – порадовали ли его поделки наши?

- Потом, - пообещал Данила. – Не гоже о Государе вот так, с порога да на ходу.

- Твоя правда, - признал я важность темы.

Переодевшись, мы с Данилою и элитой поместья отправились на обед. Клим, Сергей, мой Тимофей и начальник дружины моей, сорокалетний, крепкий несмотря на обильно рассыпанную в бороде и волосах проседь, страшнющий в силу шрамов на роже, несколько неловко себя чувствующий стоя ногами на земле из-за трех отсутствующих на правой ноге пальцев, ветеран воинского дела Средневековой Руси по имени Дмитрий Иванович.

Напитки нынче представлены тремя сортами меда, квасом на изюме и иноземным винцом. Я пить не собираюсь, а мужики употребляют очень умеренно и разбавленное, ибо грешно оно, а вред для здоровья ощущается даже интуитивно.

- Великую радость ощущал я пир сей скромный приготавливая, друзья мои! – на правах хозяина заявил я, подняв чашу с «ореховым» медком. – Как хозяин сего поместья, счастлив видеть я в гостях самого Государева Дворецкого! – салютнул Даниле. – Смею надеяться, что не оскорбили взора твоего немощностью труда нашего.

- Ежели это «немощь», то крепости и вовсе в мире нашем не сыскать! – заявил гость.

- Похвала такого человека как ты, Данила Романович, дорогого стоит. Знаю – Климу да Сергею она приятна не меньше, чем мне.

Мужики покивали.

- Выпьем же за встречу сию радостную да процветание – наше, и всей Руси!

Выпили и начали кушать под направленную на знакомство Данилы с Климом и Сергеем неспешную беседу. Первое блюдо представляет собою «тройную», из стерляди, судака да налима, наваристую уху, щедро сдобренную пряными травами во главе с укропом.

Отведав ушицы, довольные мы поотдувались, охладилась свежей порцией напитков и перешли ко вторым блюдам под рассказы Клима и Сергея о преодолении первых трудностей на пути основания поместья. Фаршированный полбою запеченный в печи с яблоками и печенью гусь великолепно сочетался с закуской в виде брусники, а пирог с капусткой, грибами и той же полбой заполнил в наших желудках ровно столько места, сколько потребно для «заедки» - сиречь десерта из протертого с медом творога с орешками.

- Ух, уважил, Гелий Далматович! – ослабив пояс, откинулся на стуле красномордый и довольный от пиршества боярин. – Всякое за жизнь свою есть доводилось, от коры древесной до яств заморских, но такого – никогда!

Льстит, но от души и без вранья – конкретно таких и вот так приготовленных блюд и впрямь не едал, а о вкусе и личных предпочтениях речи не было.

- Спасибо, что рецепты повару моему прислал, - добавил Данила конструктива похвале. – Ко мне и ранее в гости многие напрашивались, а ныне и вовсе отбоя нет. Но воруют блюда, псы – и со стола моего, и с трапез самого Государя.

Последнее предложение добавило мне авторитета в глазах подчиненных, и, еще немного посидев, мы с Данилой выпроводили лишних и переместились на диван у печки. Полешки уютно трещат, за окном садится тусклое ранневесеннее солнышко, животы набиты вкуснятиной – уютно и приятно. Боярин, уже успевший немного разобраться в моем скажем так «подвижном» характере, разговора начинать не спешил. Немножко стебет, но я не обижаюсь – «молод еще»:

- Так чего Государь говорил?

Вытянув ноги к печке, Данила устроился поудобнее:

- Доброе говорил, мол, вот ежели бы вся его родня таковою была, он бы горя не знал.

Я невольно дернулся – слова ух опасные – и боярин меня успокоил:

- С глазу на глаз мне говорил, ты об Иване Васильевиче-то плохо не думай: голова его не нашим темным чета. Неси подарки, Ярослав, - велел своему слуге.

Тот с поклоном покинул гостиную, а Данила продолжил:

- Печи твои ромейские многой благодарности стоят. Не токмо Государевой да моей, но всей Руси, от всех людей ее от мала до велика.

- Мне это очень приятно, - честно признался я. – А насколько приятны слова Ивана Васильевича даже пытаться сказать не буду – не смогу.

- Многого доброе слово Государево стоит, - не стал осуждать меня Данила. – Особенно его интересуется сам знаешь что.

- Огонь греческий, - кивнул я. – Помню, и от своих слов не отказываюсь. Третьего дня буквально важнейший компонент купцы привезли, с гор что рядом с Черным морем. Масло земное, черное да вязкое. Это – основа греческого огня, но основная проблема заключается в выявлении добавок, кои придадут ему нужные свойства. Срок в пять лет остается гарантированным, но буду стараться сделать раньше.

- Добро.

- Расскажи про Астрахань, - попросил я.

- А нечего уже рассказывать, - развел руками Данила. – В походе январском мне поучаствовать не довелось. Славная была битва, войска хана Ямгурчи вне стен города перехватить удалось, на Царевой протоке, что на Волге-реке. Половина войска нашего его войско на голову разбила, а другая Астрахань без боя взяла. Ныне там человек Государев сидит, из татар знатных, хан Дервиш-Али. Вскоре договор большой о мире с ним Государь подпишет.

- Добро.

А где взятие Астрахани полноценное? Кажется, понимаю...

- Удержится ли на ханстве Дервиш-Али, как полагаешь?

- Не моего это ума дела, Гелий Далматович, - скромно потупился Данила. – Государь полагает, что ненадолго сие. Скоро остатки Орды попытаются Астрахань отбить, а Дервиш-Али характером трусоват, может к ним примкнуть. Придется снова Астрахань воевать.

Что-то мне это напоминает, и напоминает настолько, что аж противно становится. Изю всех сил, до последнего власть отечественная договариваться с «партнерами» пытается, желая лишь одного – признания своего права на подконтрольный Москве пояс безопасности. А он нужен не эго правящей персоны потешить, а для защиты основных территорий. Вот не хочет Иван Васильевич Астрахань целиком под Русь забирать, потому что «забрать» это уже напряжение сил великое, а потом еще удержать надо, уже не через «прокси» степного, а своими «коренными» силами. А дальше неизбежно начнется война с остатками Золотой Орды, и

длиться она будет не десять и не двадцать лет, а до победного конца. Кто там Крым к Руси прирезал? Екатерина II вроде бы.

- Татары сии кочевые из всех на свете вещей только силу уважают, - рискнул я дать совет. – Договариваться с ними как с государством другим, крепким, невозможно – беспокойно там в верхах, норов разбойничий, к системному строительству нормального государства не приспособленный, но падкий на грабежи соседей. Город Государь взял, Дервиш-Али на трон усадил, это хорошая демонстрация силы, но договора долго соблюдать татары не станут – посидят, силы накопят, и пойдут воевать Астрахань обратно. Тут иначе нужно поступать – снаряжать и отправлять вглубь степей многие карательные отряды. За каждую сожженную русскую деревню сторицей долг взымать, выжигая и вырезая кочевья, а по степям самим пожары могучие пускать. Тоже не панацея, но ежели знать будут татары о том, что за каждую вылазку на Русь их скот, женщины и дети головами своими заплатят, подумают трижды, а то и вовсе на Запад бегать начнут, к католикам.

Сложив руки на животе в замок, Данила откинулся на спинку дивана и посмотрел на меня так, словно увидел впервые:

- Женщины и дети стало быть?

- А что делать? – развел я руками. – Ежели враг наших не щадит, нашу милость Православную только за слабость и примет. Язычники разбойничьего толка, иного от них ждать и не следует.

Глава 7

Сдобренный настоящими в нем березовыми вениками кипятком от столкновения с камнями моментально превратился в ароматный пар, наполнивший скудно освещенную лампадками парную моей личной бани.

- Ух-х-х! – схватившись за сермяжную ушанку, Данила склонил голову и поплотнее натянул шапку на голову.

- Благостно! – заявил я, избегая глубоких вдохов.

Жарко очень, и если молодой я к этому уже привык, пожилой Дворецкий всея Руси в такие баньки отродясь не ходил, и держится на одной лишь калёной силе воли. Как это – сопляк иноземный стоически жар терпит, а важный боярин позорно сбежит из парилки? Нет уж – будет Данила сидеть до потенциального обморока или пока я не выйду. А я и выйду – мне трупешник министра средневекового МВД на руках ну совсем не нужен. Шас, только еще немножко посидим, иначе боярин не осознает всего величия омовения в русской баньке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.